

⁴⁷ Ibid., S. 24.

⁴⁸ Matthes K. Philipp Melanchthon. Altenburg, 1846, S. 39.

⁴⁹ WA, Br. I, S. 514.

⁵⁰ Цит. по: Maurer W. Der junge Melanchthon, S. 62.

⁵¹ Цит. по: Stupperich R. Die Reformation in Deutschland. München, 1972, S. 40.

⁵² CR, I, 135—137; Melanchthons Werke..., S. 28—43.

⁵³ Supplementa Melanchthoniana. Leipzig, 1926, Abt. 6, Bd. 1, S. 115—116.

⁵⁴ CR, I, 201.

⁵⁵ CR, I, 151.

⁵⁶ Geschichte der Martin-Luther-Universität. Halle — Wittenberg, 1977, S. 17.

⁵⁷ CR, I, 606.

⁵⁸ CR, I, 126.

⁵⁹ CR, I, 127.

⁶⁰ CR, I, XI, 282.

⁶¹ CR, I, 594.

Т. Н. ВЫСОТСКАЯ

Отдел археологии Крыма Института археологии АН УССР

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО ГОРОДИЩА

Усть-Альминское городище в скифском государстве в Крыму было одним из важнейших стратегических пунктов. Расположенное при впадении Альмы в море, самое большое из приморских скифских поселений, второе по величине после Неаполя (в настоящее время его площадь 6 га), оно возникло в конце II в. до н. э. и просуществовало до III в. н. э. как форпост на западной границе Крымской Скифии и сыграло важную роль в охране государства.

Как один из крупных торговых центров скифского государства городище жило особенно интенсивно в первые века нашей эры. Население выращивало пшеницу для собственных нужд и продажи, занималось скотоводством, виноградарством, рыболовством, ремеслами. Мимо городища проходил морской путь из Херсонеса в Керкинитиду и Ольвию. Вероятно, в устье Альмы в древности был причал для греческих галер, привозивших местному населению вино и масло в амфорах, столовую посуду, украшения, ткани и другие товары.

Основное население городища — скифы — подверглись влиянию греков, а позднее — сарматов. Однако скифская культура сохранила свою самобытность, о чем можно судить по материалам Усть-Альминского городища и могильника: скифской керамике, дромосам склепов, подбойным и грунтовыми могилами, забитым камнями, обряду погребений, костюму, генетически связанным со скифскими традициями предшествующего периода и т. д.

Несмотря на значительные энтокультурные влияния скифы

веками сохраняли свои древние обычаи, которые особенно чтит аристократия. В погребениях знатных особ встречены золотые нашивные бляшки, по скифскому обычаю украшавшие костюм, со скифским обрядом связана частичная кремация умерших, помещение возле головы куска мяса без тарелки, вытянутое положение костяка.

Результаты раскопок Усть-Альминского городища и могильника последних лет дополняют те скудные данные о духовной культуре поздних скифов, которые нам удалось собрать ранее¹. В этом отношении значительный интерес представляет могильник. Обряд частичной кремации умерших, прослеженный главным образом в семейных усыпальницах аристократии — склепах, говорит не только о преемственности и сохранении древнего скифского обряда, зафиксированного в подкурганых погребениях Поднепровья², но и о культе огня, связанного в данном случае с культом мертвых. Многочисленные амулеты, положенные с умершим, — плакетки и фигурки из египетского фаянса, бусины больших размеров, клыки и кости домашних животных, металлические подвески и пр. — служили главным образом апотропеями.

Некоторые амулеты — бронзовое колесо со спицами, перстень-гемма с изображением Аполлона, металлические и деревянные фигурки птиц — свидетельствуют о культе неба. Небесным божеством у скифов, как известно из Геродота (IV, 59), был Гойтосир. Различные материалы, в том числе и перстни с геммами³, говорят о проникновении в скифскую среду новых божеств: Немисиды, Артемиды, Гермеса. Некоторые из них становятся популярными среди аристократической верхушки скифского общества. Однако собственно скифский пантеон, известный со времен Геродота, продолжает существовать и в поздний период. Наиболее ярким доказательством тому может служить найденная в насыпи рва Усть-Альминского городища каменная плита с рельефным изображением меча с прямым перекрестием без навершия. Размер плиты $1,58 \times 0,75 \times 0,22$ м (рис. 1). Высота рельефа до 3 см. Меч изображен на плите не полностью, лезвие его как бы обломано. Если принять во внимание длину подобных мечей с прямыми перекрестиями, то, даже при всей условности рисунка, можно предположить, что у меча как бы обломана примерно $1/3$ лезвия (ср. меч на стене из с. Заветное)⁴.

Плита сохранилась полностью, она обработана с лицевой и боковых сторон, тогда как задняя ее поверхность грубо околота. Все это говорит о том, что плита была предназначена для обозрения с лицевой стороны. Никакого шипа в нижней ее части нет, следовательно, первоначально предполагалось ее горизонтальное положение. При раскопках Усть-Альминского могильника неоднократно встречались каменные плиты, закрывавшие вход в камеру склепов. Такие плиты слегка обрабо-

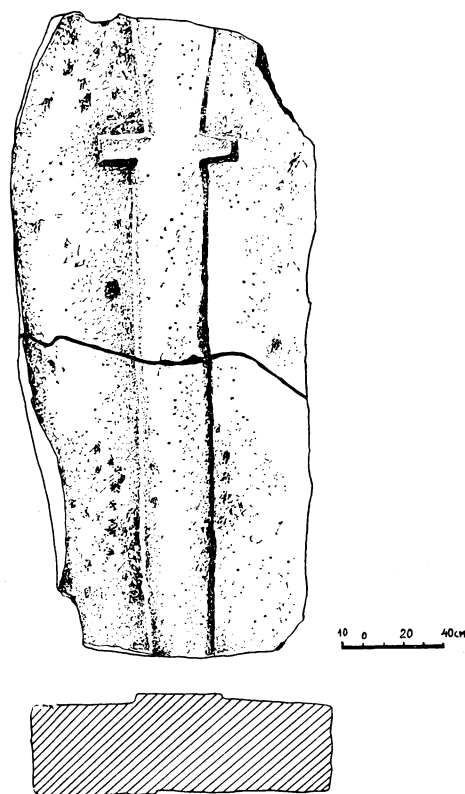

Рис. 1. Плита с рельефным изображением меча

таны со всех сторон и своими размерами напоминают плиту с мечом. Исходя из этого, можно предположить, что последняя первоначально служила закладной или покровной плитой могилы. Использовалась ли она вторично и как оказалась в засыпи рва — остается неясным.

Меч — символ бога войны Ароя, свидетельствует о сохранении культа этого божества у поздних скифов. Впрочем, культ меча был распространен у многих древних народов. Почитали его савроматы. Говоря об алланах, Аммиан Марцеллин писал: «У них не видно ни храмов, ни святилищ, нельзя даже нигде увидеть хижины, крытой соломой, но обнаженный меч втыкается по варварскому обычаю в землю и его чтут как Марса, владыку окрестных стран» (XXXI, 2, 23). Позднее у гуннов культ меча становится прерогативой царя⁵.

Особое значение плита с изображением символа бога войны Ароя, а следовательно, и культ самого божества, имеет в данном случае в связи со стратегическим значением Усть-

Альминского городища — форпоста на западном рубеже позднескифского государства.

Меч на плите длинный, двулезвийный — тип, широко распространенный в первые века нашей эры⁶. В Усть-Альминском могильнике подобные мечи найдены в погребениях I и II вв. н. э. Плиту скорее всего можно датировать II в. н. э.

Из Геродота известно, что при сооружении жертвенников Арею на холме водружали железный меч, т. е. его втыкали в холм (IX, 62). Вероятно, на нашей плите меч передан как бы вонзенным в землю, поэтому острие его преднамеренно не изображено.

Несмотря на то, что на плите помещен сарматский меч, вряд ли можно приписать этот памятник сарматам. Подобные мечи с прямым перекрестием без навершия получили распространение в очень широком ареале. В первые века нашей эры они становятся основным боевым оружием греков, сарматов и поздних скифов. Но не следует забывать, что искусство сарматов не поднялось еще на такую ступень, когда в изобразительном творчестве распространился каменный рельеф. Достоверных сарматских рельефов первых веков нашей эры неизвестно. Ученые говорят лишь о памятниках «сарматского круга», понимая под этим время появления тех или иных изображений в различной этнической среде⁷.

Эти данные, а также местоположение плиты на городище, основным населением которого были скифы, позволяют с уверенностью считать изображение на плите работой местного мастера.

Занятие местных жителей земледелием (выращивали пшеницу, рожь, бобовые — горох, вику, чечевицу) влекло за собой неустанную заботу об урожае, о плодородии почвы. Последнее в свою очередь связано с появлением земледельческих культов, в том числе культа Демерты. Об этом говорят найденные в могильнике геммы (сердоликовые и литики) с фигурой богини Тюхе с рогом изобилия — покровительницы судьбы, города, культ которой в первые века нашей эры сливается с культом Деметры, и материалы из раскопок последних лет. В 1981 г. здесь был открыт овин для просушки снопов пшеницы. Он представлял собою глубокую (1,60 м) округлую в плане яму диаметром 2,40 м, на полу которой находился очаг, поэтому стены ямы сильно прокалены. Недалеко от овина обнаружены три фрагмента одной терракоты — полуфигуры женского божества (два из них, наиболее выразительных, на рис. 2). Судя по прическе и остаткам одежды, это могла быть либо Кибела, либо Деметра⁸. Но поскольку восточные культы скифы не восприняли, есть все основания связать найденные фрагменты с изображением Деметры. Терракота датируется концом II в. до н. э. Эта находка, наряду с перстнями-геммами, монетами Скилура с изображением Деметры,

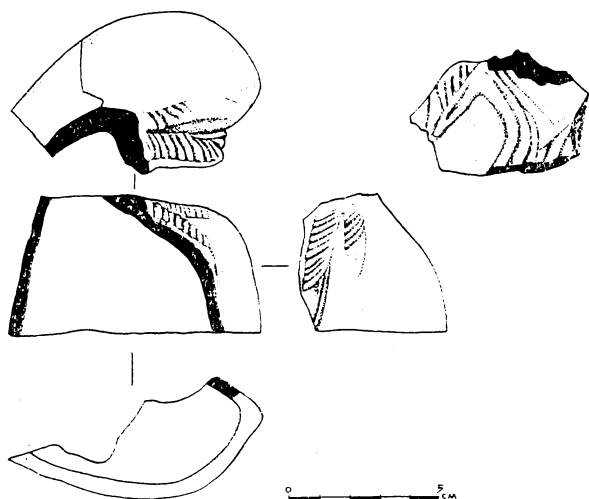

Рис. 2. Фрагменты
терракоты полуфигуры
Деметры (?).

постаментом статуи с надписью в честь богини, поставленной в Неаполе Посидеем, и фрагмент терракоты Деметры из Неаполя⁹ свидетельствуют о повсеместном распространении у поздних скифов культа богини плодородия.

Наряду с земледелием, как известно, оседлые скифы занимались скотоводством. Постоянная забота об увеличении поголовья скота тесно связана с продуцирующей магией, нашедшей различные проявления. В слое конца II—I вв. до н. э. в 1978 г. была обнаружена яма цилиндрической формы диаметром 0,40 м, глубиной 0,70 м, доверху заполненная костями двух ягнят. На костях стояла лепная миска и лежали вылепленные из необожженной глины две ноги барана (рис. 3). Этот комплекс очень напоминает яму, открытую в здании «Е» Неаполя скифского, где вместе с костями пяти овец находились преднамеренно разбитые женские фигурки из необожженной глины¹⁰. Подобные жертвенные ямы на Усть-Альминском городище не единичны. В углу одного из домов III в. н. э. находилась яма диаметром 0,80 м, глубиной 0,55 м, доверху наполненная костями молодого барана. В яме № 100 на том же городище, помимо заполнявших ее костей, возможно молодого барана, на дне лежали 3 вылепленные из необожженной глины лепешки диаметром 9 см, которые, видимо, играли какую-то роль в обряде. Такое предположение вероятно, потому что глиняные модели частей тела животного, так же как глиняные культовые лепешки, обнаружены в святилище VI—V вв. до н. э. на Бельском городище¹¹.

Еще один пример: под очагом второго строительного периода землянки № 2 (II в. н. э.) обнаружен череп козла и кости молодого барана¹².

Рис. 3. Две ноги барана, вылепленные из необожженной глины

Приведенные данные свидетельствуют о существовании у скифов одного из наиболее распространенных у многих народов обрядов скотоводческого культа, связанного с сохранением в определенном месте костей жертвенного животного¹³, в данном случае барана и козла, и нацеленного на размножение стада.

Примечательно, что скифы, особенно в эллинистический период, разводили главным образом мелкий рогатый скот, и проявление продуцирующей магии отражает их стремление увеличить поголовье. Греки, впрочем, приносили черного барана в жертву Зевсу с целью благополучного произрастания хлебных всходов¹⁴. Они приписывали особую производительную силу козлу, который играл большую роль в древнегреческих мифах и культах Диониса, Пана, Приапа и сатиров¹⁵. По-видимому, сохранение черепа козла под очагом в землянке № 2 и изображения козлов на глиняных пряслицах, неоднократно встречаемые в позднескифских погребениях, связаны с ролью этого животного (также как и барана) в скотоводческом культе поздних скифов.

По мнению некоторых ученых, обычай хранить и чтить останки жертвенных животных восходит к культу тотема. Тотем в истории религий мира был первым жертвенным животным¹⁶. Особую роль, видимо, играло сохранение костей жертвенных животных под очагом.

В этой связи интересны этнографические параллели. При

стрижке первых волос ребенка грузины Хевсурети приносили в жертву богу Гмерти — барана, богу Квириа — козла. При чем Квириа — один из верховных божеств языческого пантеона грузин — был связан с культом огня и домашнего очага¹⁷.

Огонь, очаг, занимали важное место в религиозных представлениях скифов. Они верили в его очистительную силу, обжигали камеры склепов перед погребением. Заботились о внешнем оформлении домашнего очага: в первые века нашей эры появляются очажные подставки — коньки. Такие подставки встречены в Неаполе скифском, Усть-Альминском городище, городище Алма-Кермен. Существовала в пантеоне поздних скифов Гестия-Табити — хранительница домашнего очага¹⁸.

С культом огня у скифов тесно связаны зольники — атрибут большинства скифских городищ. Причем последние, видимо, в отличие от домашних жертвенников, о которых мы говорили, играли роль общественных святилищ. На Неаполе открыты жертвенники-эсхары при культовых зданиях¹⁹.

Раскопки зольника № 3 за пределами оборонительных стен Неаполя, проведенные в последние годы, подтвердили существование здесь культового места²⁰. Начатое в 1982 г. исследование одного из трех зольников Усть-Альминского городища выявило одну интересную деталь: в западной части его, среди многочисленных фрагментов керамики, обнаружена локтевая кость, что особенно примечательно, так как в зольниках более раннего скифского времени неоднократно находили человеческие кости и скелеты²¹. Это служит Б. А. Рыбакову одним из оснований для сближения скифских зольников с индоевропейскими священными кострами²².

Долгое время оставалось неясным, занималось ли население Усть-Альминского городища виноградарством. Подвески из египетского фаянса и бронзовую подвеску в виде кистей винограда, обнаруженные в могильнике, мы априорно связывали с погребением виноградаря. Последующие находки подтвердили предположение: были найдены фрагмент переносного тарапана и косточки винограда. Это интересно, во-первых, потому, что предметы, положенные с погребенным, имели определенный ритуальный смысл, благодаря чему, как в данном случае, удастся раскрыть род хозяйственной деятельности умершего. Во-вторых, материалы городища и могильника, дополняя друг друга, выявляют элементы погребального ритуала и способствуют пониманию смыслового назначения тех или иных предметов, положенных с умершим.

Среди многочисленных погребений, открытых в Усть-Альминском некрополе (около 600), в виде исключения встречаются захоронения грудных детей (всего 2 случая). Как правило, их хоронили на городище в сосудах, чаще всего в амфорах, поврежденных еще в древности: отбита ручка сосуда, ножка, повреждено горло и т.д. Погребения обычно совершались

без вещей, редко встречаются бусы, бронзовые проволочные браслеты. Всего на Усть-Альминском городище открыто около 30 погребений младенцев в сосудах. Среди них примечательно захоронение в лепном горшке вытянутой формы, аналогии которому находим на Каменском городище на Днестре²³. Горшок был втиснут в разбитую еще в древности амфору. Это погребение датируется рубежом нашей эры. Лишь в 3 захоронениях детские костячки лежали в ямах без сосудов. Младенцы обычно погребены в вытянутом положении, насколько об этом позволяют судить плохо сохранившиеся косточки. Иногда наблюдаются захоронения в скорченном положении, несмотря на то что размеры сосуда соответствовали росту младенца.

Подобные захоронения отражают определенный обряд, ставший характерным для скифов поздней поры²⁴, а погребения в скорченном положении, видимо, являются реминисценцией древних традиций. Чаще всего сосуды с погребенными обнаружены во дворах, ямы для них обычно не прослеживаются. Внутри сосуда младенец был засыпан землей, а амфору клали набок, закрывая горловину или разбитую ее часть фрагментами этой же или других амфор или лепных горшков. Под амфору подкладывали камешки. Лишь в 1982 г. открыто погребение младенца в амфоре под полом жилища. Светлоглиняная амфора I в. до н. э. — I в. н. э. с отбитыми в древности двуствольными ручками (сохранились их следы) и горловиной лежала в неглубокой ямке (0,10 м). Младенец был посыпан зернами пшеницы. После совершения погребения горловину плотно закрыли обломками стенок больших лепных сосудов. У ножки амфоры в качестве амулетов положили зуб барана (?) и кружок из стенки лепного горшка.

Погребения младенцев на поселениях — обряд очень древний, связанный с культом плодородия. Особый интерес представляет последнее захоронение.

В этнографии многих народов посыпание зерном, в частности новобрачных, связано с идеей богатства и плодородия²⁵. Европейские народы посыпали молодых ячменем, пшеницей, в Индии — рисом, в Турции — просом²⁶. К тем же представлениям восходит зарытие у ворот дома (таджики)²⁷ или под полом жилища (украинцы)²⁸ помета, посыпанного зерном.

В повседневной жизни поздних скифов заботы об урожае и плодородии скота занимали важное место, поэтому вполне закономерным было появление соответствующих культов, направленных на повышение урожая и увеличение стада. Помимо обрядов, уходящих корнями в далекое прошлое (тотемистические представления, погребения младенцев в скорченном положении и пр.), в местную среду проникают новые культы и новые божества. Некоторые из них, например, культ Деметры, нашли здесь благодатную почву.

Пока мы располагаем незначительным количеством фак-

тов, касающихся духовной культуры населения Усть-Альминского городища, но и они помогают проникнуть в сложный и далеко еще неразгаданный мир представлений поздних скифов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Высотская Т. Н. Культы и обряды поздних скифов.—ВДИ, 1976, № 3, с. 51 сл.
- ² Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968, с. 85.
- ³ Высотская Т. Н. Геммы Усть-Альминского некрополя.—ВДИ, 1980, № 1, с. 96.
- ⁴ Богданова Н. А. Скифские и сарматские стелы Заветининского могильника.—СА, 1965, № 3, с. 235, рис. 2.
- ⁵ Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977, с. 211.
- ⁶ Сокольский Н. И. Боспорские мечи.—МИА, 1954, № 33, с. 154.
- ⁷ Шульц П. Н. Надгробный рельеф сарматского круга.—В кн.: Культура античного мира. М., 1966, с. 278 сл.
- ⁸ Терракоты Северного Причерноморья.—САИ, 1970, вып. Г 1—11, табл. 13, 2.
- ⁹ Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979, с. 157.
- ¹⁰ Там же, с. 164.
- ¹¹ Шрамко Б. А. Новые находки на Бельмском городище и некоторые вопросы формирования семантики образов звериного стиля.—В кн.: Скифосибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 202.
- ¹² Определение остеологического материала Усть-Альминского городища произведено старшим научным сотрудником кафедры позвоночных биофака МГУ С. П. Масловым.
- ¹³ Соколова З. П. Культ животных в религиях. М., 1972, с. 72.
- ¹⁴ Богаевский Б. Л. Земледельческая религия Афин. Пг., 1916, т. 1, с. 104.
- ¹⁵ Кагаров Е. Г. Культ фетишей животных и растений в древней Греции. СПб., 1913, с. 263.
- ¹⁶ Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири. М.—Л., 1936, с. 165 сл.
- ¹⁷ Соловьева Л. Т. Обычаи и обряды первых лет жизни ребенка у грузин Хевсурети в конце XIX — начале XX в.—СЭ, 1982, № 4, с. 109.
- ¹⁸ Об этом см.: Высотская Т. Н. Неаполь — столица..., с. 157 сл.
- ¹⁹ Там же, с. 63 сл.
- ²⁰ Махнева О. А. Раскопки на пригородной территории Неаполя скифского.—АО—1979. М., 1980, с. 303.
- ²¹ Ковпаненко Г. Т. Племена скифского часу на Ворсклі. Київ, 1967, с. 128; Ляпушкин И. И. Поселение скифского времени близ д. Пожарная Балка Полтавской обл.—КСИИМК, 1951, вып. 37, с. 128.
- ²² Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981, с. 317.
- ²³ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре.—МИА, 1954, № 36, с. 71, табл. 3—3.
- ²⁴ Высотская Т. Н. Неаполь — столица..., с. 169; Она же. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972, с. 39.
- ²⁵ Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевская.—МИА, 1953, № 38, с. 254.
- ²⁶ Гордлевский В. А. Избр. соч. М., 1968, т. 4, с. 100.
- ²⁷ Литвинский Б. А. О древности одного среднеазиатского обычая.—КСИЭ, 1958, № 30, с. 32.
- ²⁸ Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевская, с. 254.